

Литература

1. *Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., Винок, М.* Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, с. 17–50.
2. *Максимова О.А.* Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – № 6. – С. 246–252.
3. *Ассман, А.* Новое недовольство мемориальной культурой. / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
4. *Ассман, Я.* Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с.

ДИСКУРСИВНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ В МИРЕ И В РОССИИ

Ермолаева Юлия Вячеславовна

*Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные современные концепции управления отходами, дискурсивные фреймы в контексте мировой экономики. Выявлено, что формирование политики обращения с отходами, как правило, продиктовано национальными целями природопользования и направлением экономики – ориентированной на сохранение ресурсов (ноль отходов, зеленая экономика) или на экстракцию ресурсов (коричневая экономика, сырьевая экспортная модель экономики). Акторы в цепочке обмена ресурсами и их согласованность их интересов во многом определяет насколько эффективно будет развиваться политика обращения с отходами в национальном контексте, так же важно соблюсти баланс между централизованной и децентрализованной моделью управления. В России схема управления отходами централизована за счет укрепления роли регионального оператора, иерархична (совмещает федеральные и региональные схемы), и еще не согласована между собой ввиду разных интересов стейкхолдеров (граждан, целей государства, частного сектора, регионального оператора и НКО).

Ключевые слова: управление отходами, устойчивое развитие, зеленая экономика, дискурс – анализ, Москва, Казань.

Дискурс-анализ в данном случае обращает внимание на процессы, с помощью которых конструируются и поддерживаются социальные институты управления отходами. Центральная функция в артикуляции экологической государственной политики состоит в эффективном распространении политических. С этой целью были проанализированы российские законодательные документы, отраслевые отчеты, городские и региональные

программы 2014–2022, поскольку именно в этот период в политике в области обращения с отходами происходят существенные изменения. Анализ и концептуализация материала был произведен в рамках гранта РФФ № 22-28-00392 на тему «Производство и утилизация отходов в мегаполисах России: межотраслевой и междисциплинарный анализ».

Концепции управления отходами в городах мира на протяжении XX века менялись в зависимости от доминирующей парадигмы природопользования, и основой данной парадигмы являются ценности, которыми наделялись материалы и отходы в той или иной промежуток времени. Так, в конце XIX века и начале XX и до 1930-х годов сжигание отходов в городах Европы на МСЗ стало резко сокращаться, вернувшись к захоронениям на свалки как более экономичном варианте. Однако, упадок экономики во время второй мировой войны, и последующее за ним рост потребления и необходимость в ресурсах вновь привели к необходимости повысить количество перерабатываемых материалов. «Энергетический кризис» 1970-х гг. и прогнозируемая нехватка сырья укрепило позиции создания института переработки и нашло отражение в Зеленой книге 1974 года, которая продвигала идею рассматривать отходы как потенциально ценные ресурсы т.к. существующие схемы управления отходами во многих мегаполисах показали себя недостаточно эффективными[1]. В результате была разработана концепция «иерархии управления отходами» или лестницы управления отходами (Lansik), взятая за международный стандарт.

Однако, на протяжении XX века и по настоящее время обостряется фундаментальное противоречие между переработкой и утилизации отходов и противостояние разных моделей экономики: «от колыбели до могилы» в линейной экономике и «от колыбели до колыбели» в циркулярной экономике, именно они создают дискурсивный конфликт в экологической мировой политике в разных государствах[2]. Второй конфликт проявляется в поляризации дебатов вокруг приоритетов переработки и сжигания. Традиционно, на одном конце спектра находятся экологические группы, выступающие за мораторий на строительство новых мусоросжигательных заводов, готовые предоставить ресурсы для переработки, в том числе «упаковочное лобби» и иные быстрорастущие отрасли обращения с отходами в частном секторе, а на другой стороне находятся группы, которые продвигают рентабельный, капиталоемкий вариант сжигания отходов с рекуперация энергии и дешевой утилизации отходов на мусорных полигонах с выработкой [3].

Трансформация парадигмы управления отходами сопровождается меняющимся ландшафтом институциональных отношений: растущей путаницей в отношении ролей, обязанностей и практик. Отношения проходят в некоторых странах длительный процесс приватизации, сопровождающейся формированием новых институтов и регуляторных механизмов, что затрудняет переход на круговую экономику. Сложная сеть регуляторной системы лежит на разных уровнях и отделах местных и региональных властей. Преимущественно социально – экологической политикой занимаются закрытые политические

сообщества, в которых доминируют регулирующие органы и промышленность, при этом экологические группы, если они не стоят у власти, играют маргинальную и про-реакционную роль [4].

Последние несколько десятилетий отходы обсуждаются в рамках создания комплексного подхода устойчивых городов и территорий, т. к. всего 70 % отходов земного шара выбрасываются за пределы городов, следовательно, города могут выполнять двоякую роль: быть основными поставщиками вторичного сырья при условии создания мощной инфраструктуры сбора, переработки, или же быть эпицентром загрязнений, социальных конфликтов и «черной» дырой, потребляющей много ресурсов[5]. Концепция управления отходами снова меняется и расширяется в рамках Десятилетней рамочной программы Рио по устойчивому потреблению и производству, где обсуждается процесс создания локального плана размещения отходов с потенциалом долгосрочного стратегического пространственного планирования, учитывающего вопросы социальной и экологической справедливости. Однако, не каждая территория способна поглотить все образующиеся отходы городов, а так же нет такого количества природных ресурсов, которые могли бы вечно служить первичным сырьем для возрастающих потребностей растущего населения в городах. Поднимается новая волна амбициозных политик и целей, направленных на сокращение отходов и восстановление ресурсов [6].

Международные организации (Организация экономического сотрудничества и Развития (ОЭСР), США, Агентство по охране окружающей среды (EPA) Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Европейское Агентство по окружающей среде (ЕАОС), Большая восьмерка (G8) и Большая Двадцатка (G20), а также отраслевые организации) разделились на два различных лагеря по дискурсивным ориентациям в рамках политики в области обращения с отходами – это концепции «предотвращения и сокращения отходов», «ноль отходов» в zero waste city и «циклов и материалов» в рамках circular economy [7].

Соответствующие стратегии традиционного управления и политические директивы по обращению с отходами часто входили в сферу ответственности местных муниципалитетов в городах и регионах, таким образом, управление отходами всегда было географически ограниченным, а определенный ареал являлся собственником «своих» отходов и должен был сокращать количество полигонов и повышать уровень переработки в качестве эффективной политики землепользования и ресурсов. Именно уровень переработки отходов стал самым показательным в отношении эффективности управления отходами.

Последовательная эволюция концепции иерархии отходов (предотвращение, повторное использование, переработка, возвращение в цикл, и утилизация) в конце концов понизила позицию рециклинга, уступив место профилактике образования отходов – дизайну производства и социально-экологическим практикам[8]. Причина этого изменения была связана с неустойчивыми ценами на материалы в рамках глобального рынка и повышенного спроса, уже сейчас существующая нехватка сырья и ресурсов приводит к растущему беспокойству о национальной безопасности в некоторых

странах. Накал обостряла геополитика, например, предпочтения отечественным первичным и вторичным материалам и импортозамещению (Китай, Иран, Россия) [9]. Этот контекст также повлек перестройку политического дискурса, который выходит за рамки управления отходами и снова направляется к дискуссии о важности рассмотрения циклов ресурсов и материалов. Появление ряда новых инструментов оценки, таких как оценка жизненного цикла, *cradle-to-cradle*, показатели ресурсоэффективности, в дополнение к принципам циркулярной экономики, принципам промышленной экологии, управление материальными цепочками объединились как движущая сила новой парадигме отходов и новому дискурсу [10].

Центральное место в профилактике и сокращении выбросов занимает ключевое слово «ноль»: «нулевой углерод», «нулевой рост», «нулевой экологический след», «нулевые выбросы», «миссия ноль». «Ноль» является символом идеалистического контрапункта, «нулевые отходы» – ключевое словосочетание, которое повсеместно признано во всех языках и переводах. Маркетинг термина «ноль» становится все более актуальной – появились платформы: *Zero Waste Europe*, Международный альянс *Zero Waste*, Институт *Zero Waste*, *Zero Waste Network*, *Zero Waste San Francisco*, *Zero Waste California* и *Zero Отходы Австралии* и пр. Также было реализовано несколько массовых проектов, таких как стадион *Zero Waste Ohio*, *Zero Waste Youth*, и пр. [11]

Существует разрыв в эффективности между национальной и местной политикой по уровню управления отходами. Например, во всем мире, в каждой стране есть регионы как с низкими, так и с высокими региональными кластерами по показателям эффективности переработки отходов, в независимости от успешности по стране в целом. Было выявлено, что такие вариации обусловлены социально-экономическими факторами регионов, которые в свою очередь влияют на уровень переработки: там, где согласованность с местной властью, населением и бизнесом была достигнута, реализация эффективной политики обращения с отходами происходила быстрее и была выше в процентном соотношении, также эти регионы оказались на передовых по внедрению ресурсоэффективных решений. Реализация успешной политики по обращению с отходами часто зависит от набора инструментов экономии ресурсов, например, за счет возвращения в оборот образуемого вторичного сырья, возможности продлить жизненный цикл продукта [12]. Хотя централизованная структура управления обеспечивает более быструю реализацию директив политики, для нее существуют и ограничения, которые чаще всего подразумевают отсутствие конкретного собственника отходов в цепочке и может исключить голос акторов, представляющих интересы уже существующих технологий, МСЗ, полигонов.

Добыча полезных ископаемых субсидируются правительствами во всем мире, что маскирует истинные затраты не только с экономической, но и с социальной и экологической точек зрения. Необходимы рыночные драйверы, а также новые модели управления, стимулирования сокращения затрат сырья и увеличения использования вторичных материалов в жизненном цикле продуктов. Ресурсо- и материалоеффективность продвигаются такими

программами как ОЭСР, ЮНЕП, G8 и G20.4, которые нацелены на измерение «национального потенциала» ресурсов, анализ материальных потоков, и увеличения продолжительности жизненного цикла материалов в заданных геополитических границах и за их пределами. В конечном итоге политика управления отходами сводится к двум направлениям – централизованному (сбор первичных и вторичных материалов для превращения в продукт и формирование экополитики) и децентрализованному (распределение материалов для производств, которые становятся собственниками). Здесь существует несколько проблем: в некоторых случаях составляющие цепочку предприятия, университеты, школы, стадионы и города не контролируют производство и ограничены в вопросах управления. Другая проблема состоит в том, что цель политики обращения с отходами, направленная на сокращение ресурсов, создает в некоторых случаях дефицит и зависимость стран от импорта, с другой стороны, еще не найдены инструменты, которые влияли бы на богатые ресурсами регионы и страны, чья цель – максимизировать свои добывающие отрасли и экспорт ресурсов, и для них необходимо построение моделей устойчивого управления и развития бизнеса, которые решают проблемы трансграничной регуляции [13].

Россия – одна из стран глобального значения по уровню накопленных природных богатств, ее экологическая политика реализуется на базе экспортно-сырьевой модели экономики, где за счет использования первичных ресурсов осуществляется экономический и промышленный рост. Для России в ближайшее время не предпринимается резкой смены альтернативы на ресурсосберегающее производство, поскольку она являемся донором энергии и природных ресурсов в мировой экономике, однако по экономическим затратам на окружающую среду приближается к развитым странам, что обусловлено промышленной направленностью многих регионов, в то же время Россия имеет множество международных соглашений по покупке и использованию иностранного оборудования, привлекая опыт ведущих государств в области политики обращения с отходами. Наиболее распространенная форма взаимодействия между институтами управления отходами в России – государственно-частное партнерство, адаптируемое под местный уровень и объединенный в общую систему через создание единого информационного реестра. Российский опыт управления отходами уникален, так как перед Россией стоит задача создать стандартизированные генерализованные решения (как целевые ориентиры в рамках устойчивого развития), составленные согласно законодательству в области реализации политики обращения с отходами, с другой – принять во внимание разность в экологических, экономических и социальных условиях регионов.

Россия сочетает в себе одновременно несколько схем управления, связанных в одной системе, образуя следующие принципы управления отходами:

- 1) централизованное управление отходами (разработка единого закона, которому обязаны подчиняться все регионы), а также распределение юридической ответственности и закрепление юридических функций за

разными ведомствами (министерство природы, промышленности, потребительский надзор, министерство образования, а так же министерствами по различным отраслям экономики – нефтяной, металлургической, газовой промышленности и пр.). Департаменты и министерства остаются ответственными за отдельные отрасли производства и потребления, но не связаны в единую функциональную систему с единой схемой учета отходов и ответственности и переработки.

2) Федеративную систему управления отходами, куда входят 85 равноправных субъектов, которые могут по своему усмотрению вносить поправки в закон, разрабатывать свои схемы обращения с отходами, но не противоречить основному закону. Однако, плотность населения, промышленные мощности, климатические особенности, влияющие на морфологию образования отходов в России различаются также, как ресурсы переработки отходов между российскими регионами, что требует разработки локальных схем. Россия не единственная страна, где есть система федеративного управления отходами, такие схемы были реализованы США и в Австралии, но имели большую автономность и меньшее количество ответственных субъектов, поскольку начиналась с развития низовых инициатив локальных регионов и поэтому были более эффективны, так же как автономные муниципальные образования в ЕС [14].

Главный вызов в создании безотходной экономики и zero waste for Russian cities требует баланса в регулировании централизованного и локального подхода в условиях региональных экономических, социальных и географических контрастов.

Можно выделить следующие этапы *институционализации отрасли управления отходам*:

1. Возникновение потребности. В 1930-е годы XX века была сформирована советская модель циклической экономики. В 1990-е годы с падением советской власти расформировались и созданные системы правил в модели советской циклической экономики [15]. В начале 2000-х годов рост дополняется декларируемыми целями зеленой безотходной экономики, но реализации создания отрасли отдельного сбора и переработки нет.

2. Появление социальных норм и правил. Несмотря на то, что в 2014 году появляется новый ФЗ от 29.12.2014 N 458-ФЗ определение твердых коммунальных отходов (ТКО) и определение рециклинга с распределением ролей, РСО не практикуется, что является помехой в институционализации на пути к безотходной экономике. Таким образом, формальные правила с распределённой ответственностью не подкреплены системой норм наказания, что делает их нефункциональными. На данном этапе помимо экономических, и правовых недоработок нет единой технологической базы решений. Направления государственной политики в области обращения с отходами являются приоритетными в следующей последовательности: максимальное использование исходных сырья и материалов; предотвращение образования отходов; сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования; обработка отходов; утилизация отходов;

обезвреживание отходов (п. 2 введен Федеральным законом от 29.12.2014 N 458-ФЗ).

3. Институционализация норм и правил, процедур. С 2000 и по настоящее время многие законные акты похожи на рамочные или модельные, отчасти это объясняется особенностями развития отдельных регионов и индивидуальных задач, которые им предлагается решить в отношении управления отходами [16].

4. Установление системы санкций для поддержания норм и правил.

Единственная доступная форма правовых санкций – административная и уголовная ответственность, выплата штрафов, сумма которых недостаточно строга к по отношению к долговременным и кумулятивным последствиям загрязнения окружающей среды.

5. Создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института. Система статусов и ролей в векторе для устойчивого развития создается внутри старой системы. Это значит, что более высоким статусом в новой системе зеленой экономики будут обладать более экологически-ориентированные (и прибыльные для экономики) специалисты [17].

С 2015 года в системе присутствует региональный оператор, который должен взять ответственность за сбор, вывоз и утилизацию ТКО, чтобы снять данные полномочия с муниципальных властей. В 2018 году проект управления отходами дополнился новым проектом «Экология» [18]. Целевые показатели, заложенные в Стратегии развития промышленности оказались несогласованы с содержанием и реализации иерархии обращения с отходами

21 июля 2020 года был подписан указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В соответствии с ним за 10 лет в РФ должна быть создана устойчивая система обращения с ТКО, обеспечивающая сортировку 100 % отходов и снижение захороняемых отходов в два раза, готовятся поправки в законодательство по запрещению одноразовой пластиковой посуды. В 2021–2022 гг. важным этапом в изменении политики обращения с отходами в России стало начало разработки реализации новой концепции расширенной ответственности производителей (РОП), которая позволят вернуть в оборот вторичные ресурсы, установление 100%-го утилизационного сбора за упаковку товаров, большинство полномочий сводится к РЭО, Решение о РОП принималось вместе с представителями бизнес-сектора, участвующих в процессе создания цепочки обращения с отходами – ЛУКОЙЛ, «Сургутнефтегаз», «Газпром нефть», «Сибур», «Норильский никель» и PepsiCo и других бизнес ассоциаций. Однако, частные компании не могут поддержать нововведения, поскольку у них не хватает технологических мощностей и экономических инструментов. Планки по эффективности утилизации отходов все выше, но реализация в гонке за показателями не всегда достижима. По планам правительства, Россия должна выйти на этап полной сортировки отходов к 2030 году [19], поэтому одной из ключевых тем 2021 года – стагнация при внедрении все новых и новых мер по обращению с отходами в законодательство. Так, Минприроды и Росприроднадзор зафиксировали, что за последние три года количество

объектов для переработки и утилизации отходов практически не изменилось, несмотря на то, что много проектов проходило экспертизу. Ожидается, что эти проблемы решаться в следующем году. РЭО укрепляется в статусе центрального регулятора по политике обращения с отходами в разных регионах и становится самодостаточной экосистемой со своим действующим СМИ. В августе 2021 г. На regulation.gov.ru появился законопроект Минприроды «О публично-правовой компании “Российский экологический оператор”» (ППК РЭО). Не смотря на повышение эффективности РЭО во всех регионах России, частный бизнес и труд НКО, которые до этого занимались вывозом и переработкой отходов, могли локально пострадать.

В период с 30 июня 2020 по февраль 2022 продолжается активная дискуссия между региональными операторами, представителями власти в лице Мосприроды и активными участниками бизнес – рынка относительно принятых поправок о реализации мер расширенной ответственности производителя по переработки упаковки. Оператором механизма расширенной ответственности производителя и экосбора будет налоговая служба, [20]. Дискурсивная тема мусорного конфликта с 2017 гг. от позиций население – муниципальная власть перешел к конфронтации между бизнесом, государственными представителями и РЭО. В то же время реализация плана циклической экономики носит диагностический характер, но между компаниями уже существуют устойчивые коммуникации, пересматриваются отрасли животноводства, рынок удобрений, косметическая отрасль, отдельные отрасли по переработке стекла, пластмассы, автомобильная отрасль, проблема расстановки баками для вторичной утилизации отходов, переработка гаджетов, отработанные катализаторы химических производств. Зеленая повестка все чаще соприкасается со смарт технологиями, обсуждение касается внедрения экотехнопарков, заводов по переработке отходов, создания цифрового реестра отходов, маркетплейса по продаже вторичного сырья[21]. Выделено несколько дискурсивных трендов: Тренд 1: Вектор на утилизацию, Тренд 2: «Зеленые» офисы и «чистые» технологии, Тренд 3: Эко-движение в бизнесе, Тренд 4: «Прозрачная» политика [22].

Заключение. В статье мы рассмотрели основные направления экологических политик и социально-политических дискурсов, доминирующих в мире и в России, с точки зрения распределения управляющих структур есть стремление к централизации, с точки зрения цепочки распределения ответственности могут доминировать те или иные структуры, участвующие в производстве товаров, утилизации или переработке отходов. Однако наиболее эффективна гибридная система управления, которую еще предстоит реализовать, где участвует государство, муниципальная власть, граждане, развит частный бизнес (как крупный, так средний и малый), участвует НКО, между акторами распределена ответственность и каждому отведена своя собственная роль в управлении. Политика обращения с отходами в России стремится к дальнейшему укреплению централизованной структуры управления, область ответственности смещается к РЭО, которые становится службой одного окна, а бизнес облагается новыми требованиями при

недостаточности инфраструктуры РСО, и проработки экономических инструментов регулирования производителей товаров и переработчиков.

Литература

1. *Loorbach D., Rotmans, J.* The practice of transition management: examples and lessons from four distinct cases // *Futures*. – 2010. – 42 (3). – Pp. 237–246.
2. *Hajer M.A.* The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process. Clarendon Press, Oxford, 1995.
3. *Murillo-Luna J.L., Garces-Ayerbe C., Rivera-Torres P.* Why do patterns of environmental response differ? A stakeholders' pressure approach // *Strateg. Manag. J.* 29. – 2008. – Pp. 1225–1240.
4. *Paredis E.* Sustainability transitions and the nature of technology // *Found. Sci.* 2011. – 16 (23). – Pp. 195–225.
5. *Zaman A., Lehmann S.* Urban Growth and Waste Management Optimization towards 'Zero Waste City' // *City, Culture and Society*. – 2011. – № 2. – Pp. 177–187.
6. *Jørgensen U., Olsen S.I., Jørgensen M.S., Lauridsen E.H., Hauschild M.Z., Hoffmann L., Dengsøe N., Nemeskeri R.L., Bodo P., Herczeg M., Szlezak J., Vrgoc M., Villanueva A., Knudsen H.H.* Waste prevention, waste policy and innovation. IPL, 2006.
7. *Bortoleto A.P.* Waste Prevention Policy and Behaviour: New Approaches to Reducing Waste Generation and Its Environmental Impacts. Routledge, 2014.
8. *Boschma R.* Proximity and innovation: a critical assessment // *Reg. Stud.* 2005. – 39. – Pp. 61–74.
9. EC. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: towards a Circular Economy: a Zero Waste Programme for Europe. 2014b Brussels 2.7 398 final.
10. *Gago F., Antolin, N.* Stakeholder salience in corporate environmental strategy // *Corp. Gov.* № 4, 2004. – Pp. 65–76.
11. *Fairclough N., Mulderrig J., Wodak, R.* Critical discourse analysis // *Discourse Stud. A Multidiscip. Introd.* 2011. – Pp. 357–378.
12. GAIA (Global Alliance for Incineration Alternatives). On the Road to Zero Waste. Successes and Lessons from around the World, pp. 1–88, 2012.
13. *Genovese A., Acquaye A., Figueroa A., Koh S.* Supply chain management and the transition towards a circular economy: evidence and some applications. *Omega*. 2015. <http://dx.doi.org/10.1016/j.omega.2015.05.015>.
14. *Pei-Chun L., Hsin-Ning S.* Investigating the structure of regional innovation system research through keyword co-occurrence and social network analysis // *Innov. Manag. Policy Pract.* 2010. – 12 (1), pp. 26–40.
15. *Ермолаева Ю.В.* Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. 2021. – Т. 7, № 1. – С. 104–116. – DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8
16. *Оболенский Е.С.* Экономика мусорной катастрофы в // *Economics: научное издание*. – Москва: «Проблемы науки», 2019. – № 39. С. 30–37.

17. Гордин И.В., Лучшева В.В., Новожилова Ю.С., Радыно И.А. Дилемма интенсивных и экстенсивных технологий в проблеме твёрдых коммунальных отходов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук: ежемесячный научный журнал. – г. Новосибирск: ООО «Капитал», 2019. – № 3–2 (март). – С. 37–40.

18. Ермолаева Ю.В. Zero-waste мегаполисы в России: реализация эффективной схемы управления отходами в России по данным экспертного опроса на примере Москвы и Казани: научная статья // «Научный результат»: научное издание. – г. Казань: НИУ «БелГУ», 2019. – № 1 (март). – С. 96–108.

19. Паспорт нацпроекта «Экология» на официальном сайте Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyu_proekt_ekologiya/ (дата 25.04.2022).

20. В региональную программу по отдельному сбору мусора вложат миллиард рублей. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211006/sbor-1753297111.html> (дата 25.04.2022).

21. «РТ-Инвест» поспорила с госкомпанией об уровне сортировки мусора в России. – URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dda7bd9a7947c886be69ea> (дата 25.04.2022).

22. Жителям Подмосковья рассказали о борьбе с незаконным вывозом отходов. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20211124/podmoskove-1760585546.html> (дата 25.04.2022)

ТРАЕКТОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНИ)

Колюшкина Мария Валерьевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены стадии становления и развития организации локального сообщества в г. Казань, а также механизмы и аргументы оспаривания городского пространства, которые используются представителями этого сообщества. Данные изучения будут основаны на эмпирическом случае: самоорганизация локального сообщества в посёлке Старые Горки.

Ключевые слова: самоорганизация, локальное сообщество, оспаривание пространства, реакция на ситуацию.

В последние годы интересы жителей российских городов сталкиваются с интересами городских властей, инвесторов или достаточно влиятельных граждан, способных приобрести его за собственные деньги. Для них данное пространство представляет собой уникальную возможность для развития города и привлечения новых инвестиций или для привлечения прибыли, тогда как для горожан – это место постоянного проживания. Однако многих